

СОВЕТСКО-ЯПОНСКИЙ ПАКТ О НЕЙТРАЛИТЕТЕ

ВЗГЛЯД С ДИСТАНЦИИ ШЕСТИ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

А. КОШКИН

Доктор исторических наук

Пожалуй, вплоть до прихода к власти в Германии Адольфа Гитлера в Советском Союзе своим основным потенциальным военным противником считали милитаристскую Японию. И неосновательно. У нас еще очень хорошо помнили, что в ходе интервенции ряда стран Антанты на советском Дальнем Востоке и в Сибири (1918-1922 годы) именно японские войска, которые составляли добрую половину всех сил вторжения, первыми хлынули в наши пределы и последними (отнюдь не по доброй воле) покинули их. Но дело было не только в этом. Наращивание Японией военного потенциала, неприкрытые экспансионистские устремления японской военщины, такие, как оккупация в 1931 году Маньчжурии, явная подготовка к войне с целью захвата всего Китая, непрекращающаяся с конца 20-х годов череда спровоцированных ею военных конфликтов и инцидентов - все это представляло угрозу вовлечения Советского Союза в большую войну на Дальнем Востоке.

Чтобы избежать этого, советское руководство принимало различные политические и дипломатические меры. Одной - и важнейшей - из них стало подписание в апреле 1941 года советско-японского Пакта (договора) о нейтралитете. О самом этом пакте и сопутствующих ему обстоятельствах, его значении написано, как у нас в стране, так и за рубежом, немало трудов. Однако введение в научный оборот недоступных ранее документов и материалов, в том числе из долгое время закрытого для исследователей "сталинского архива", позволяет существенно уточнить некоторые представления прошлых лет, глубже разобраться в мотивах, которыми руководствовались лидеры двух стран при совершении этого немало удивившего мир "дипломатического блицкрига".

Поскольку перспективы развития начавшейся 1 сентября 1939 года нападением Германии на Польшу второй мировой войны были неясны, Япония сочла целесообразным воздержаться от вступления в войну на стороне своих союзников. 13 сентября был опубликован официальный правительственный документ "Основы политики государства", в котором указывалось: "Основу политики составляет урегулирование китайского инцидента. Во внешней политике необходимо, твердо занимая самостоятельную позицию, действовать в соответствии со сложной международной обстановкой... Внутри страны сосредоточить внимание на завершении военных приготовлений и мобилизации для войны всей мощи государства"¹.

Цель политики временного невмешательства состояла в том, чтобы дождаться первых серьезных результатов начавшейся мировой войны, а затем, сделав выводы о ее перспективах, приступить к реализации собственных стратегических планов.

Хотя подписание советско-германского договора о ненападении сначала рассматривалось в Токио как удар по японским планам совместного с Германией выступления против СССР, японское военно-политическое руководство не оставляло надежды на то, что рано или поздно Советский Союз будет вовлечен в войну в Европе. Готовясь к такому развитию событий, японские стратеги из числа как военных, так и политиков считали необходимым "максимально ограничить военные действия в Китае, сократить число находящихся там войск, мобилизовать бюджетные и материальные ресурсы и расширить подготовку к войне против СССР"².

В декабре 1939 года был принят "Пересмотренный план наращивания мощи сухопутных войск" Японии. Чтобы высвободить необходимые для ее будущей войны против СССР силы, планировалось при необходимости резко сократить численность японских войск в Китае (с 850 тысяч до 500 тысяч). Одновременно было принято решение довести число дивизий сухопутных

войск до 65, авиаэскадрилий до 160, увеличить число бронетанковых частей. На китайском фронте должны были действовать 20 дивизий, остальные надлежало разместить главным образом в Маньчжурии.

Был определен срок завершения подготовки - середина 1941 года³.

ЧТОБЫ СОЗДАТЬ ВПЕЧАТЛЕНИЕ НОРМАЛИЗАЦИИ...

Чтобы улучшить международные условия для осуществления этой программы, было решено предпринять дипломатические шаги, призванные создать впечатление нормализации японо-советских отношений. Все чаще стало высказываться мнение о целесообразности заключить с СССР пакт о ненападении, аналогичный советско-германскому. При этом японское руководство, убедившись во время хасанских и халхингольских событий в стремлении СССР избежать вовлечения в войну с Японией, не опасалось советского нападения. Была поставлена цель попытаться в

обмен на пакт о ненападении прежде всего добиться прекращения советской помощи Китаю. В согласованном 28 декабря 1939 года документе японского правительства "Основные принципы политического курса в отношении иностранных государств" по поводу Советского Союза говорилось: "Необходимым предварительным условием заключения пакта о ненападении должно быть официальное признание прекращения советской помощи Китаю"⁴.

Заключить пакт о ненападении побуждала японцев и Германия. При этом германские лидеры были готовы выступить в роли посредника между СССР и Японией. В ходе советско-германских переговоров о заключении пакта о ненападении В.М. Молотов спросил, готова ли Германия оказать воздействие на Японию ради улучшения советско-японских отношений и разрешения пограничных конфликтов. На встрече с И.В. Сталиным И. Риббентроп заверил его, что германо-японские связи "не имеют антирусской основы, и Германия, конечно же, внесет ценный вклад в разрешение дальневосточных проблем". Stalin предупредил собеседника: "Мы желаем улучшения отношений с Японией. Однако есть предел нашему терпению в отношении японских провокаций. Если Япония хочет войны, она ее получит. Советский Союз этого не боится. Он к такой войне готов. Но, если Япония хочет мира, это было бы хорошо. Мы подумаем, как Германия могла бы помочь нормализации советско-японских отношений. Однако мы не хотели бы, чтобы у Японии сложилось впечатление, что это инициатива советской стороны"⁵.

Обсуждение данного вопроса было продолжено уже после достигнутого перемирия в боях на Халхин-Голе во время беседы Риббентропа со Сталиным и Молотовым в Москве 28 сентября 1939 года.

Из германской записи беседы:

"...Г-н министр (Риббентроп. - А.К.) предложил Сталину, чтобы после окончания переговоров было опубликовано совместное заявление Молотова и немецкого имперского министра иностранных дел, в котором бы указывалось на подписанные договоры и под конец содержался какой-то жест в сторону Японии в пользу компромисса между Советским Союзом и Японией. Г-н министр обосновал свое предложение, ссылаясь на недавно полученную от немецкого посла в Токио телеграмму, в которой указывается, что

определенные, преимущественно военные, круги в Японии хотели бы компромисса с Советским Союзом. В этом они наталкиваются на сопротивление со стороны определенных придворных, экономических и политических кругов и нуждаются в поддержке с нашей стороны в их устремлениях.

Г-н Stalin ответил, что он полностью одобряет намерения г-на министра, однако считает непригодным предложенный им путь из следующих соображений: премьер-министр Абэ до сих пор не проявил никакого желания достичь компромисса между Советским Союзом и Японией. Каждый шаг Советского Союза в этом направлении с японской стороны истолковывается как признак слабости и попрошайничества. Он попросил бы господина имперского министра иностранных дел не обижаться на него, если он скажет, что он, Stalin, лучше знает азиатов, чем г-н фон Риббентроп. У этих людей особая ментальность, на них можно действовать только силой. В августовские дни, приблизительно во время первого визита г-на Риббентропа в Москву, японский посол Того прибежал и попросил перемирия. В то же время японцы на монгольской границе предприняли атаку на советскую территорию силами двухсот самолетов, которая была отбита с огромными потерями для японцев и потерпела неудачу. Вслед за этим Советское правительство, не сообщая ни о чем в газетах, предприняло действия, в ходе которых была окружена группа японских войск, причем было убито почти 25 тыс. человек. Только после этого японцы заключили перемирие с Советским Союзом. Теперь они занимаются тем, что откалывают тела погибших и перевозят их в Японию. После того как уже вывезли пять тыс. трупов, они поняли, что зарвались и, кажется, от своего замысла отказались"⁶.

Из этих высказываний Сталина ясно, что он был готов к переговорам с японцами о пакте о ненападении и был заинтересован в подобном соглашении, но ждал, когда об этом попросит японское правительство. Понимая это, германское руководство продолжило работу с японцами в этом направлении. Однако Германия при этом была отнюдь не бескорыстна.

Временная нормализация советско-японских отношений на период войны с западными державами была выгодна Германии. В этом случае Японию легче было побудить на

действия против Великобритании на Тихом океане. По расчетам Гитлера, нападение японцев на дальневосточные владения Англии могло бы ее нейтрализовать. "Оказалвшись в сложной обстановке в Западной Европе, в Средиземноморье и на Дальнем Востоке, Великобритания не будет воевать"⁷, - заявил он. На встречах с японским послом в Берлине Х. Осима Риббентроп говорил: "Я думаю, лучшей политикой для нас было бы заключить японо-германо-советский пакт о ненападении и затем выступить против Великобритании. Если это удастся, Япония сможет беспрепятственно распространить свою мощь в Восточной Азии, двигаться в южном направлении, где находятся ее жизненные интересы". Осима с энтузиазмом поддерживал такую политику⁸.

Однако японское правительство продолжало колебаться, небезоснательно опасаясь, что заключение японо-советского пакта о ненападении вызовет осложнение отношений Японии с западными державами. В то же время в Токио понимали значение посредничества Германии в урегулировании японо-советских отношений. Японская газета писала: "Если будет необходимо, Япония заключит с СССР договор о ненападении и будет иметь возможность двигаться на юг, не чувствуя стеснений со стороны других государств"⁹. При этом учитывалось и то, что такой пакт давал Японии выигрыш во времени для тщательной подготовки к войне против СССР. В сентябре 1939 года Ф. Коннэ сообщил германскому послу в Токио Отту: "Японии потребуется еще два года, чтобы достигнуть уровня техники, вооружения и механизации, который показала Красная Армия в боях в районе Номонхан (Халхин-Гол. - А.К.)"¹⁰.

Для демонстрации своего намерения нормализовать отношения с СССР японское правительство сочло целесообразным сначала начать переговоры о заключении между двумя государствами торгового договора.

Перспектива советско-японского урегулирования уменьшила надежды западных держав на столкновение Японии с Советским Союзом. Правительство США в декабре 1939 года попыталось получить от МИД Японии официальное подтверждение того, что пакт о ненападении не входит в японскую программу переговоров с СССР. Чтобы успокоить западные державы и побудить их к уступкам Японии в Китае, японское правительство включилось в кампанию, поднятую в

США, Великобритании и Франции в связи с советско-финляндским конфликтом.

Советско-японская нормализация, даже временная, не устраивала не только западные державы, но и коминьдановское руководство Китая во главе с Чан Кайши. Тайные замыслы и завуалированные действия, направленные на обострение советско-японских отношений и развязывание между ними войны, были откровенно высказаны командующим 5-м военным районом Китая генералом Ли Цзунженем в беседе с советским послом в Китае А.С. Панинским. 12 октября 1939 года он говорил: "Война на Западе является выгодной для СССР... Германия, Англия и Франция завязнут в войне. Им будет не до СССР... Англия может подтолкнуть Японию на войну с СССР с Востока... Если на Западе будет война, то, не беспокоясь за свои западные границы, СССР может нанести решительный удар по Японии. Это повлечет за собой освобождение угнетенной Кореи, даст Китаю возможность возвратить потерянные территории. При условии войны на Западе, Англия будет приветствовать войну СССР с Японией, так как в этом случае Англия не будет беспокоиться, что Индия и Австралия будут захвачены Японией". Генерал Ли заявил, что эта точка зрения "поддерживается многими членами правительства, в том числе Чан Кайши"¹¹.

ГЛАВНОЕ - ВЫИГРАТЬ ВРЕМЯ

Для того, чтобы не допустить урегулирования советско-японских отношений, китайское правительство в конце 1939-го - начале 1940 года ставило перед Сталиным и Молотовым вопрос о скорейшем заключении между СССР и Китаем военного союза, по которому СССР обязался бы усилить помочь Китаю. При этом китайцы пытались заинтересовать наше правительство возможностью получения после войны китайских территорий для советских военных баз на Людунском и Шаньдунском полуостровах¹². Перспектива обострения отношений с Японией из-за Китая не устраивала Сталина, основной целью которого было избежать вовлечения в войну, будь то на Западе или на Востоке. В задачу советского руководства входило выиграть время, обеспечить для страны максимально продолжительный мирный период с тем, чтобы успеть подготовиться к отражению агрессии, неизбежность которой в Кремле сознавали.

Успех, как тогда казалось, дипломатического маневра на германском направлении давал Сталину надежду на то, что нечто подобное можно осуществить и во взаимоотношениях с Японией. Однако в Японии сохраняли большое влияние сторонники непримиримой политики в отношении СССР, которые выступали против идеи пакта о ненападении, заявляя, что она "подрывает идеологические основы Японии"¹³. 16 января 1940 года японский министр иностранных дел Х. Арита заявил: "Полное урегулирование пограничных проблем будет равнозначно пакту о ненападении. Заключение же такого пакта - дело отдаленного будущего и не очень полезное"¹⁴. Заверения о стремлении урегулировать отношения с СССР не означали, что милитаристские круги Японии действительно отказались от агрессивных планов в отношении соседа на севере. Поэтому на сессии Верховного Совета СССР (март-апрель 1940 года) прозвучало предупреждение: "В Японии должны наконец понять, что Советский Союз ни в коем случае не допустит нарушения его интересов. Только при таком понимании советско-японских отношений они могут развиваться удовлетворительно"¹⁵.

Позиция Японии в отношении СССР меняется только после поражения Франции в мае-июне 1940 года и разгрома английской армии под Дюнкерком. Японские правящие круги не желали упустить момент, благоприятный для захвата азиатских колоний западных держав. Ради этого надо было надежно обезопасить свой тыл, приняв меры по урегулированию советско-японских отношений. К этому времени советское руководство позитивно ответило на японский зондаж по поводу такого урегулирования. В ходе беседы с японским послом в СССР С. Того 1 июня 1940 года Молотов заявил, что он готов "говорить не только о мелких вопросах, считаясь с теми изменениями, которые происходят в международной обстановке и которые могут произойти в будущем"¹⁶.

Эту мысль Молотов в более развернутом виде развел перед Того через неделю, после того как было достигнуто принципиальное соглашение сторон по поводу соглашения между СССР и Японией об уточнении границы.

Из записи беседы 7 июня 1940 года:

"Тов. Молотов выражает надежду, что это соглашение явится предпосылкой для разрешения

других интересующих Японию и СССР вопросов, в том числе и более крупных.

В ответ на это Того заявляет, что он также надеется, что теперь можно будет с успехом продолжать переговоры по рыболовному вопросу и о торговом договоре. "Кроме того, - добавляет Того, - мы одновременно могли бы начать обсуждение коренных вопросов, интересующих обе стороны. Я надеюсь на успех в решении и других вопросов".

Тов. Молотов заявляет, что он также выражает надежду, что Япония и СССР могут и должны договориться, в том числе и по коренным вопросам.

В ответ на это Того говорит, что он лично думает, что между СССР и Японией нет таких вопросов, которые нельзя было бы разрешить, особенно, если есть понимание друг друга. "Я рад заявлению тов. Молотова, - продолжает Того, - и со своей стороны также надеюсь, что обе стороны договорятся по всем вопросам"¹⁷.

Очевидно, что и Молотов, и Того под используемым ими эвфемизмом "коренные вопросы" подразумевали пакт о ненападении. Однако ни одна из сторон не хотела первой произнести эти слова напрямую. Что касается Молотова, то он, безусловно, действовал по согласованию со Сталиным и получил от него одобрение попытки прозондировать позицию японского посла по поводу возможности заключить между двумя государствами политическое соглашение. Иным было положение посла Того, который был осведомлен о том, что в Токио, как отмечалось выше, были противоречивые мнения относительно договора о ненападении с СССР.

Бот что писал об этом в своих мемуарах Того:

"Поскольку отмена Соединенными Штатами договора о торговле и мореплавании совершенно очевидно преследовала цель оказать давление на Японию, ее надежды на modus vivendi без коренного изменения политики в отношении Китая были абсолютно тщетными. В этот момент мне подумалось, что Японии не остается ничего иного для укрепления своих позиций, кроме заключения пакта с Россией и мирного урегулирования с чунцинским режимом на умеренных и рациональных условиях. Свои соображения я изложил в телеграмме министерству иностранных дел. Что касается методики достижения договоренностей с СССР, то я реко-

мендовал министерству сформулировать политику, ориентированную на заключение пакта о ненападении и торгового соглашения...

После заключения перемирия в Номонханском районе в сентябре предыдущего года отношение Москвы к Японии стало дружественным, и различные проблемы решались в атмосфере исключительной сердечности. Поэтому и переговоры о заключении торгового соглашения продвигались чрезвычайно гладко.

В связи со вторым вопросом, а именно пактом о ненападении, инструкция нашего министерства иностранных дел предусматривала, что этот документ должен быть подписан в форме пакта о нейтралитете, и именно на основе этой инструкции я начал переговоры с Молотовым¹⁸.

17 июня Молотов заявил Того, что надеется на возможность параллельно рыболовным и торговым вопросам вести переговоры и по другим коренным вопросам. Это было уже почти прямое предложение приступить к обсуждению договора о ненападении. И такие переговоры начались 2 июля 1940 года.

С ГРИФОМ ВЫСШЕЙ СЕКРЕТНОСТИ

В Кремле понимали, что сам факт подобного диалога может создать для СССР немалые сложности во взаимоотношениях с другими государствами, в первую очередь с Китаем, руководство которого весьма бдительно следило за признаками намечавшегося политического сближения СССР с Японией. Поэтому всем документам, касавшимся переговоров с Того о пакте о ненападении или нейтралитете был присвоен гриф высшей секретности - "Особая папка". Документы с таким грифом предназначались лишь для высших советских партийных и государственных деятелей.

2 июля 1940 года состоялась первая беседа Молотова с послом Того, на которой стороны приступили к обсуждению конкретных вопросов, касавшихся проекта будущего соглашения.

Ниже приводится сделанная советской стороной запись этой беседы.

"Того: ...За последние 2-3 года, даже в такие периоды, когда отношения между СССР и Японией были наихудшими, нам удалось разрешить различные вопросы, не прибегая к войне. Поэтому Того думает, что все вопросы могут

быть урегулированы мирным путем. Безусловно, в некоторой части мира имеются элементы, которые желаю столкновения между СССР и Японией в своих интересах, однако мы такой глупости не допускаем и не желаем удовлетворять пожелания этих стран о столкновении СССР и Японии... С другой стороны, в связи с возникновением войны в Европе общая ситуация осложнилась. Япония, так же как и СССР, старается не быть втянутой в орбиту войны, то есть она придерживается политики строгого невмешательства в войну. Однако, если, несмотря на миролюбивые стремления Японии, она подвергнется нападению со стороны третьих держав, то она вынуждена будет предпринять меры против этого нападения.

Япония, находящаяся в соседстве с СССР, желает поддерживать с последним мирные, дружественные отношения и взаимно уважать территориальную целостность. Если же одна из стран, несмотря на миролюбивый образ действий подвергнется нападению со стороны третьих держав, то в этом случае другая сторона не должна помогать нападающей стране. Если будут установлены такого рода отношения, то отношения между СССР и Японией будут стабилизированы и их ничем нельзя будет поколебать. Если Советское правительство придерживается такого же мнения, говорит Того, то далее он хотел бы сделать конкретное предложение...

Молотов: ...Общая мысль о том, чтобы стабилизировать отношения между обеими странами, правильна, и он к этому может только присоединиться.

Далее, тов. Молотов просит уточнить слова: "не нападать" или "не помогать одной из нападающих стран". Общая мысль, заложенная в высказываниях Того о том, чтобы не помогать нападающей стороне и не нападать - правильна. Все сознательные люди, как в нашей стране, так и в Японии, не могут не согласиться с этим.

Того: излагает содержание проекта японской стороны. При этом он оговаривается, что дух проекта согласован с Японским правительством, а текст составлен им самим, и он просит Наркома иметь это в виду.

Далее Того излагает существо своего предложения, которое сводится к следующему: СССР и Япония заключают между собой следующее соглашение о нейтралитете.

Статья I

1. Обе договаривающиеся стороны подтверждают, что основой взаимоотношений между обеими странами остается Конвенция об основных принципах взаимоотношений между Японией и СССР, подписанный 20 января 1925 г. в Пекине.

2. Обе договаривающиеся стороны должны поддерживать мирные и дружественные отношения и уважать взаимную территориальную целостность.

Статья II

Если одна из договаривающихся сторон, несмотря на миролюбивый образ действий, подвергнется нападению третьей державы или нескольких других держав, то другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжении всего конфликта.

Статья III

Настоящее соглашение заключается на пять лет.

Того отметил, что проект составлен как копия соглашения о нейтралитете, заключенного в 1926 году между СССР и Германией.

Того: Если Япония и СССР войдут в дружественные отношения и между ними будет заключено соглашение о нейтралитете, то Япония хочет, чтобы советская сторона по своей воле отказалась от предоставления помощи чунцинскому правительству.

Молотов ответил, что сможет дать ответ на японские предложения после того, как этот вопрос будет обсужден Советским правительством. Основная мысль, высказанная Того, будет встречена Советским правительством положительно...

Касаясь вопроса о Китае, тов. Молотов говорит, что он знаком по печати с теми предложениями, которые были сделаны Японским правительством Франции и Англии по вопросу о помощи Китаю и благодарит Того за подтверждение наличия таких предложений. Что же касается СССР, продолжает тов. Молотов, то сейчас этот вопрос для СССР не является актуальным, поскольку в данный момент все разговоры о помощи Китаю не имеют под собой почву. Если бы СССР помогал Китаю, то Китай не находился бы в таком положении, в каком он находится сейчас. У СССР имеются свои нужды, и сейчас он занят обеспечением своих нужд по обороне страны. (Подчеркнуто мною. - А.К.)

Того говорит, что он с удовлением выслушал заявление тов. Молотова о том, что сейчас вопрос о помощи Китаю не является актуальным и что советская сторона не оказывает помощи чунцинскому правительству... Если советская сторона сейчас не оказывает помочь и не будет оказывать такую помочь в будущем, то Японское правительство желало бы, чтобы Советское правительство сообщило об этом нотой.

Молотов по своей инициативе вновь заявляет, что он не может отрицать того факта, что раньше СССР оказывал Китаю помочь людьми, оружием и самолетами. Другое положение сейчас. Тов. Молотов говорит, что сейчас он не может сказать, что СССР в настоящее время оказывает помочь чунцинскому правительству. Наша страна расширилась (имелось в виду присоединение к СССР польских восточных районов, населенных украинцами и белоруссами. - А.К.), и у нас есть свои нужды по укреплению обороны собственной страны.

Молотов указывает, что если отношения между СССР и Японией будут стабилизированы, то и Америка будет более серьезно считаться как с интересами СССР, так и с интересами Японии.

В заключение Того говорит о своем желании как можно скорее договориться относительно заключения соглашения о нейтралитете¹⁹.

Несколько иначе излагает содержание этой беседы в своих мемуарах сам Того. В частности, подтверждая факт согласия Молотова на "непредставление помочь чунцинскому режиму", он сообщает, что со своей стороны, Молотов поставил вопрос о ликвидации японских концессий на Сахалине. Того пишет:

"В ответ на мой план Молотов выдвинул контрпредложение, которое сводилось к тому, что каждая из договаривающихся сторон будет воздерживаться от вступления в группировку со странами, враждебными стороне-участнице пакта. Молотов далее заявил, что готов учесть мою просьбу о предоставлении помочь чунцинскому режиму, но, с другой стороны, Россия хотела бы, чтобы Япония отказалась от своих интересов на Сахалине (имелись в виду права на добчу нефти и угля). У этих предприятий всегда были нелады с советской властью, и им с трудом удавалось продолжать работу только благодаря огромным

субсидиям японского правительства. Поэтому я давно пришел к выводу, что Японии следует отказаться от концессий на Сахалине в обмен на другие права. Если бы Япония была готова отказаться от них, а Советы - прекратить помочь режиму Чан Кайши, переговоры о заключении пакта о ненападении немедленно завершились бы успехом"²⁰.

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ "ДИП-БЛИЦ"

Неожиданное согласие прекратить помочь Китаю ради заключения с Японией пакта о ненападении или нейтралитета стало весьма серьезным внешнеполитическим маневром советского руководства. Было очевидно, что Сталин и Молотов решили повторить и на японском направлении поразивший мир "дипломатический разворот" в отношениях с Германией в 1939 году. Задача обеспечения безопасности своего государства как с запада, так и с востока стала рассматриваться в Кремле как главная цель советской дипломатии. По сравнению с этой задачей все остальные рассматривались как второстепенные.

Если заключение договора о ненападении с гитлеровской Германией резко ухудшило отношения СССР с Великобританией и Францией, то подписание аналогичного соглашения с Японией грозило серьезным охлаждением, если не разрывом, советско-китайских отношений. В Москве не могли не учитывать и то, что оставленный один на один с Японией Китай мог капитулировать. В этом случае возрасала опасность японского нападения на СССР, ибо, обеспечив свой тыл в Китае, Япония с гораздо большей свободой рук могла действовать на севере - против Советского Союза. Однако в стремлении выиграть время для подготовки к неизбежной большой войне Сталин шел на эти серьезные политические издержки.

Несмотря на строгую секретность начавшихся советско-японских переговоров, в Китае почти сразу узнали об их содержании. Уже 18 июля 1940 года, пригласив советского посла в Китае Панюшкина на беседу, Чан Кайши заявил: "Некоторая часть американцев опасаются, что СССР может пойти на соглашение с Японией". Послу не оставалось ничего другого, кроме как попытаться дезавуировать эти сообщения, представив их как "слухи". Он отвечал Чан Кайши: "Подобное мнение, конечно, ни

на чем не основано. Оно просто смехотворно. По крайней мере известно, например, что во всей японской армии нет ни единого советского самолета, ни единой бомбы советского происхождения". Далее он заверил своего собеседника в дружбе и верности Советского Союза: "Хорошо известно, что СССР является самым верным другом Китая, что мы оказываем большую помочь Китаю, что мы искренне и неизменно выражаем свою солидарность китайскому народу, ведущему справедливую борьбу за свою национальную независимость, против агрессора. Я думаю, что не исключена возможность сотрудничества между СССР и Америкой по дальневосточному вопросу"²¹.

В том же духе Панюшкин излагал позицию СССР и в ходе состоявшейся 22 июля беседы с заместителем начальника генштаба Китая Бай Чжунси. Тогда китайский генерал прямо заявил: "Есть люди, которые задают довольно коварные вопросы, например о том, до каких пор СССР будет помогать Китаю, каковы границы этой помохи и т.д.". И в этот раз послу пришлось прибегнуть к дипломатической риторике, заявив: "Дружба СССР и Китая скреплена дружбой наших великих вождей - Ленина и Сунь Ятсена, Сталина и Сунь Ятсена. Это нас обязывает крепить наши связи, нашу дружбу"²². Вполне можно допустить, что посол говорил это искренне, ибо едва ли был информирован о предстоявшем изменении советской политики в отношении Китая.

Однако на этот раз дипломатический "блиц" на японском направлении не состоялся. Пришедший в июле 1940 года к власти второй кабинет Коноэ не стал форсировать заключение политического соглашения с СССР, предпочтя сначала укрепить военно-политический союз с Германией и Италией. В Токио полагали, что, имея такой союз с фашистскими государствами Европы, будет легче побудить советское руководство подписать пакт о ненападении с Японией на ее условиях.

27 июля новый японский кабинет, министром иностранных дел в котором стал Ё. Мацуока, одобрил "Программу мероприятий, соответствующих изменениям в международном положении". В этом документе в качестве важнейшей задачи определялось "установление нового порядка в Великой Восточной Азии", для чего предусматривалось "применение в удобный момент военной силы". Программой намечалось:

1. Укрепить союз Японии, Германии, Италии.

2. Заключить с СССР соглашение о ненападении с тем, чтобы провести подготовку вооруженных сил к войне, которая исключала бы их поражение.

3. Осуществить активные меры по включению колоний Англии, Франции, Голландии и Португалии в сферу японского "нового порядка" в Восточной Азии.

4. Иметь твердую решимость устраниТЬ вооруженное вмешательство США в процесс создания "нового порядка" в Восточной Азии²³.

В соответствии с этими политическими установками командование вооруженными силами стало разрабатывать возможные варианты вступления Японии во вторую мировую войну: "южный" - против США и западноевропейских государств и "северный" - против СССР. Предпочтение было отдано "южному". Решение же "северной проблемы" откладывалось до начала советско-германской войны. Так как в "Программе" выдвигалось требование "избежать войны на два фронта", заключение с СССР пакта о нейтралитете оставалось одной из приоритетных задач японской дипломатии. "Отношения с СССР должны быть урегулированы на базе советско-германского пакта о ненападении", - писала японская газета. Таким путем Япония может достичь безопасности своей северной границы, что даст ей возможность осуществить ее политику экспансии на юг. Это также позволит ей подготовиться к войне против США"²⁴.

Убедившись в том, что новый кабинет министров Японии готов продолжать переговоры о заключении пакта о нейтралитете, советское правительство 14 августа 1940 года дало ответ на предложенный Того вариант пакта. В нем говорилось: "Настоящим Советское правительство подтверждает свое положительное отношение к идее заключения предложенного японским правительством соглашения о нейтралитете между СССР и Японией... Советское правительство понимает настоящее предложение японского правительства в том смысле, что предложенное соглашение, как это видно из его содержания, будет не только договором о нейтралитете, но, по сути дела, это будет договор о ненападении и о невступлении во враждебные коалиции".

Вместе с тем, советское правительство заявило, что интересы СССР и Японии требуют еще до подписания договора "урегулировать некоторые существенные во-

просы советско-японских отношений, наличие которых в неразрешенном состоянии является и будет являться серьезным препятствием на пути к желательному улучшению взаимоотношений между обеими странами"²⁵.

Соглашаясь со статьями 2 и 3 японского проекта, советское правительство выступило против того, чтобы соглашение основывалось на Пекинской конвенции 1925 года, оставлявшей в силе Портсмутский договор 1905 года, по которому Россия вследствие поражения в русско-японской войне вынуждена была уступить Японии Южный Сахалин. К тому же Портсмутский договор был нарушен Японией, захватившей вопреки его положениям Северо-Восточный Китай. Наконец, советское правительство продолжало настаивать на ликвидации японских нефтяных и угольных концессий на Северном Сахалине.

К этому времени в ходе так называемой "чистки Мацуоки" были заменены японские послы в основных мировых державах. Отправлялся на родину и посол в СССР Того. Тем не менее он продолжал встречаться с Молотовым и обсуждать перспективы заключения пакта о нейтралитете. Ознакомившись с ответом советского правительства от 14 августа, Того запросил о новой встрече с Молотовым. Молотов принял посла 20 августа.

Из записи беседы:

"Молотов выражает сожаление по поводу отъезда Того: "Жаль, что не удастся вести переговоры с Того. Мы научились лучше понимать друг друга, чем раньше".

Сейчас, указывает Того, имеется подходящий случай для разрешения коренных вопросов. Нужно ковать железо, пока горячо.

Тов. Молотов бросает реплику: "Правильно. Совершенно правильно".

Молотов: "Советское правительство понимает те плюсы, которые соглашение дает обеим сторонам, и в особенности Японии, поскольку она получает надежное и устойчивое положение на Севере и, следовательно, может проявить себя на Юге с большей активностью"²⁶.

Указывая послу на преимущества пакта для Японии, Молотов хотел склонить японское правительство к согласию с советскими условиями заключения договора. Эту цель он преследовал и во время последующих встреч с Того.

5 сентября Молотов говорил Того: "Портсмутский договор по очень существенным пунктам на-

рушен Японией и тем самым потерял свою жизненность в современных условиях. А если так, то и Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией от 1925 года также далеко не соответствует изменившимся условиям. Поэтому делать Портсмутский договор базой нельзя считать правильным".

Того возражает против такого подхода.

Молотов: "Если Япония думает строить свои отношения с СССР на базе Портсмутского договора, заключенного после поражения России, то это глубокая ошибка. Нельзя делать Портсмутский мир, заключенный после поражения России и напоминающий собой Версальский мир, базой для развития хороших отношений между Россией и Японией"²⁷.

Главная причина нежелания советского правительства признать единственным Портсмутский договор состояла в том, что в Москве рассчитывали восстановить российский суверенитет над отторгнутым Японией Южным Сахалином.

(Продолжение следует)

¹ Тайхэй сэнсо си (История войны на Тихом океане). Т. 3. Токио, 1972, с. 283.

² Дайхонъэй рикутун бу (Секция сухопутных сил императорской ставки). Часть 2, с. 4.

³ Нихон рёкиси (История Японии). Т. 20. Токио, 1977, с. 8.

⁴ Дайхонъэй рикутун бу. Часть 2, с. 9.

⁵ Кудо Митихиро. Ниско тюрицу дзёканю-кэню (Исследование японо-советского пакта о нейтралитете). Токио, 1985, с. 62-63.

⁶ Документы внешней политики (далее - ДВП), 1939 год. М., 1992, т. XXII, кн. 2, с. 616.

⁷ Presseisen E.L. Germany and Japan. The Hague, 1958, p. 219.

⁸ Montgomery M. Imperialist Japan. The Yen to Dominate. London, 1987, p. 436.

⁹ "Мияко", 13.XII.1939.

¹⁰ История второй мировой войны 1939 - 1945. М., 1974, т. 3, с. 182.

¹¹ ДВП. 1939 год, с. 267.

¹² ДВП. 1940 - 22 июня 1941. М., 1995, т. XXIII, кн. 1. 1 января - 31 октября 1940, с. 29.

¹³ Lensen G.A. The Strange Neutrality: Soviet-Japanese Relations during the Second World War 1941 - 1945. Florida, 1972, p. 6.

¹⁴ "Асахи", 17.I.1940.

¹⁵ Шестая сессия Верховного Совета СССР 29 марта - 4 апреля 1940 г. Стенографический отчет. М., 1940, с. 41.

¹⁶ ДВП. Т. XXIII, с. 304.

¹⁷ Там же, с. 120-121.

¹⁸ Того Сигэнори. Воспоминания японского дипломата. М., 1996, с. 207-208 (пер. с англ.).

¹⁹ ДВП. Т. XXIII, с. 400-406.

²⁰ Того Сигэнори. Указ. соч., с. 208-209.

²¹ ДВП. Т. XXIII, с. 441.

²² Там же, с. 447.

²³ Тайхэй сэнсо си. Т. 3, с. 316.

²⁴ "Токио нити-нити", 16.VII.1940.

²⁵ Тихвинский С.Л. Заключение советско-японского пакта о нейтралитете 1941 г. - "Новая и нынешняя история", 1990, № 1, с. 26.

²⁶ ДВП. Т. XXIII, с. 543-544.

²⁷ Там же, с. 572-574.